

Перевод с английского А. Пинского, Е. Домбаян

Сталь, как вам, должно быть, известно, сплав на основе железа. Он содержит от 0,1 до 1,7 % углерода, а также примеси серы, фосфора, марганца, никеля и хрома. Сплав твердый и достаточно ковкий, так что из него можно делать мечи. Воистину сплав Марса. Единственный его недостаток — подверженность коррозии. Кое-кто считает, что коррозию вызывают кислоты. На самом деле коррозия — электролитический процесс, причем электролитом может быть не только кислота. Растворы поваренной соли и нашатыря также способны разъедать и разрушать сталь. Я не металлург, а всего-навсего удалившийся от дел террорист и учитель философии, но мне понятно, почему металлурги опровергают как заведомый вздор утверждения о том, что меч Экскалибур мог сохраниться до наших дней. Соли, содержащиеся в воде, почве и атмосфере, постепенно разъели бы стальную плоть того, которого давным-давно окрестили обжорой. Латинскому названию Экскалибур предшествует валлийское Каледвелч, родственное ирландскому Каладболт, что значит Луженое Брюхо, или Всепожирающий. Неужды в Кардиффе и подобных местечках требуют проведения радиоуглеродного анализа, стремясь доказать, что изрядно прожравевший меч, который они почитают как святыню, принадлежит эпохе короля Артура. Но радиоуглеродный метод непригоден для датирования неорганических веществ, к каковым принадлежит сталь. Однако он позволяет определить возраст куска древесины, поскольку радиоактивный изотоп углерода C14 попадает в живое дерево из атмосферы, а в мертвой древесине постепенно распадается (с периодом полураспада в 5650 лет), превращаясь в изотоп азота N14. Деревянные ножи, по слухам, найденные вместе с мечом в подвалах монастыря Монте-Кассино, датированы с помощью этого метода VI веком нашей эры.

Я никогда не видел этого меча, но догадываюсь, что у него широкое обоюдоострое лезвие. Простое оружие без символических украшений. Эфес утрачен, острие и края затупились, но кое-где еще сохранился гордый блеск и гравировка — латинское А или греческая альфа. Гравировка неглубокая, скорее всего нанесена с помощью гвоздя и молотка. Очевидно, инициал владельца. Я подозреваю, что это А украшали стилизованные листья бука — их полустертые следы еще различимы сверху и слева. Но буква А вовсе не указывает на принадлежность меча королю Артуру, чье существование вызывает сомнения. Скорее всего мечом владела более грозная историческая личность — предводитель гуннов Атилла. Легенда о том, что один из приближенных Атиллы по имени Скотта нашел этот меч на полях Венгрии, я думаю, хорошо известна. Скотта поранил шиколотку об острие меча, торчавшее из земли, после чего выкопал обидчика, решив, что это легендарный меч Марса, дарующий победу всякому, кто им владеет. Он вручил его Атилле, тот приказал выгравировать свой инициал (язычник владел латынью и греческим). Меч Марса не помог Атилле покорить Северную Италию, и, перед тем как отступить с потерями за Дунай, Атилла передал его римскому полководцу Аэцию, своему врагу и другу в одном лице. После убийства Аэция по приказу императора, отсидевшегося в Равенне, меч перешел к Амвросию Аврелиану, королю Британии.

Эта история есть у Гиральдия Камбийского, который позаимствовал ее у Христиана Пиджера, а тот, в свою очередь, — из документа под названием «Notitia Dignitatum». Хотя могу и ошибаться, я ведь не охотник до развлекательного чтыва. А то, что у всех владельцев был общий инициал, можно принять за простое совпадение. Я не приемлю идеи Божьего промысла, согласно которой Меч Карающий был вложен в руки защитника британских христиан тем, кто называл себя Альфой (впрочем, и Омегой тоже), разрушителем и спасителем одновременно, как водится и в индуистской традиции. Все это кажется маловероятным и отдает суеверием.

Вернемся к проблеме сохранности меча. Один из ранних биографов Атиллы, Актофор Константинопольский, утверждает, что великий завоеватель желал укрепить восточные рубежи своих владений в Евразии, для чего вознамерился нанести визит китайскому императору и заключить с ним пакт о ненападении. Путешествуя через степи, он увидел то, что Марко Поло описал столетия спустя, — нефтяные скважины. Китайские мудрецы, ведавшие о глубинной добыче нефти с 330 года до нашей эры, объяснили Атилле, что это вещество надежно предохраняет металл от ржавчины. Возможно, во время перемирия и в знак возобновления юношеской дружбы Атилла открыл секрет хранения оружия Аэцию. Меч Марса, или Экскалибур, должно быть, держали в сосуде с нефтью, добытой на территории, ныне называемой Рос-

нистского детерминизма. Многие годы он проработал шахтером, два взрыва в шахте потрясли его, после третьего он сломался. Его жена Флоренс Мэри, урожденная Эванс, страдала сердечной болезнью, осложнившейся во время единственной беременности. Родом она была из Карнарвона в Северном Уэльсе и на юге считалась чужой. Сплетни злопыхателей о том, что ее мужу вышибло мозги рухнувшей опорой во время третьего взрыва в шахте, доконали женщину. Сердце не выдержало. Элис Уин Джонс горько плакал и проклинал несправедливого Бога.

Он стал ежевечерне предаваться обильным возлияниям. Однажды, накачавшись пивом, он жестоко избил юного Дэвида, застав его онанирующим перед

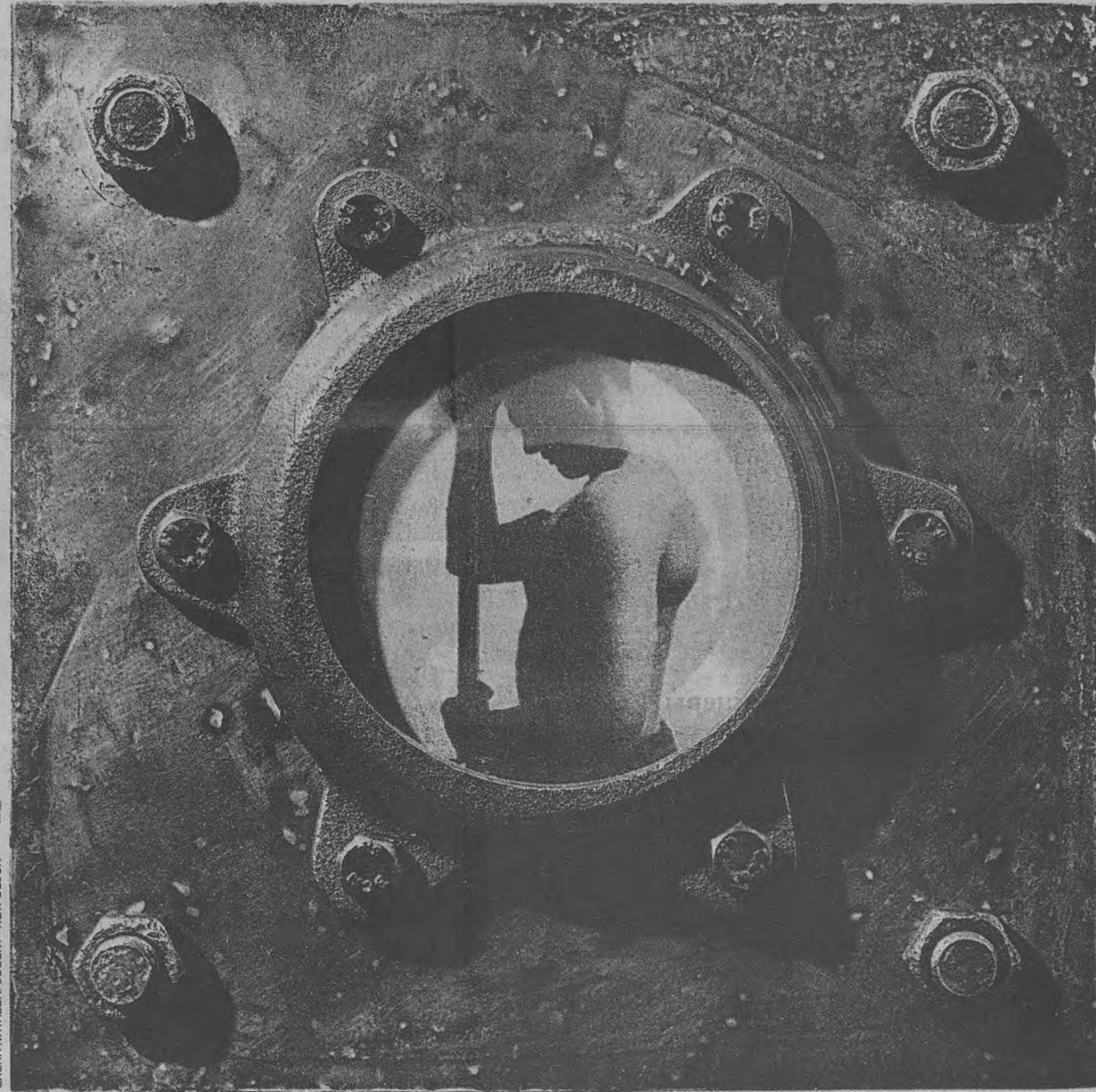
порабощения его родины москалями. Этот самый Коженёвский, подписавшись Конрадом, напечатал дурацкий очерк о гибели корабля «Титаник»:

«Дабы развлечь пару тысяч богачей, сооружают плавучий отель из тонких стальных пластин водоизмещением 45 000 тонн, отделяют его то ли в стиле фараонов, то ли в стиле Людовика XV и ради прихоти горстки толстосумов, которые не знают, куда деньги девать, под аплодисменты двух материков спускают на воду эту машину с двумя тысячами людей на борту, после чего отправляют ее бороздить океан со скоростью двадцать один узел в час. Вот вам демонстрация непотопляемой веры современного человека в материальные ценности, технику и железо?»

Энтони Берджесс

Железо, ржавое железо

Только в «Известиях» и впервые на русском языке читайте роман автора скандального «Заводного апельсина» Энтони Берджесса — «Железо, ржавое железо». Это захватывающая семейная сага из жизни нескольких поколений странного валлийско-русского «клана» на фоне европейской истории XX века. Тонуший «Титаник», революционный Петроград, Вторая мировая война и послевоенный Ленинград — место действия романа. И даже далекое прошлое — старые, добрые времена короля Артура, чей легендарный меч непотопляемым образом вывозит из Советской России в Уэльс один из главных героев книги. Полностью книга выйдет в издательстве «Иностранка» в конце мая.

гравирой, изображавшей пир Вальтасара, в семейной Библии. После этого мальчишка сбежал из дому и нанялся матросом на каботажное судно в Кардиффе. Там его определили на камбуз чистить картошку и заваривать чай. А когда корабельного кока, вечно надравшего глотку, демонстрируя свое ораторское искусство, свалил в Ньюкасле приступ белой горячки, пятнадцатилетний Дэвид сменил его, да так удачно, что команда и не заметила. Бог наградил Дэвида крепким желудком — его не тошнило, даже если приходилось жарить рыбу с луком во время шторма.

Скорее после бегства сына отцу приснился сон, в котором его собственный папаша прыгал, как кенгуру, пытаясь зажечь свечу в золотом подсвечнике. От старика уже давно не было вестей, Элису Уину Джонсу казалось, что дела его отца в Австралии идут неплохо, но сон предвещал неладное. Элиса Уина Джонса ничто не удерживало в Старом Южном Уэльсе, поэтому он отправился в Кардифф и купил на скромные сбережения билет в Новый Уэльс. Он не удивился, когда, прибыв в Сидней, нашел старика при смерти. Старый Гайнд Моцарт Джонс (напрочь лишенный музыкального слуха, даром что сын хормейстера, зачавшего его с одной из своих контрольно) бросил жену в Бангоре и отправился на поиски золота в Балларат, штат Виктория. Говорят, на старости лет он стал точной копией Карла Маркса, что, впрочем, можно сказать о многих жителях Виктории. Он жил полнокровной жизнью колониста и умер в достатке. Получив наследство, Элис Уин Джонс вернулся в Монмутшир и с той поры жил в грехе с девицей из Эббу-Вэйл в доме на Саннибэнк-роуд в Блэквуде. По названиям видно, что мы имеем дело с английской топонимикой, поскольку графство не считалось собственно Южным Уэльсом до тех пор, пока ему не вернули старое валлийское название — Гwent.

В рассказах Дэвида о морских приключениях, хотя и не всегда правдоподобных, романтика прекрасно сочеталась с валлийским духом. Он клялся, что служил коком на сухогрузе «Колокольчик», где старпомом был поляк по фамилии Коженёвский. Иностранка выдавал сильный акцент. Непримиримый морской волк, он говорил, что родился на восемьдесят пятом году

Дэвид Джонс хранил эту газетную вырезку, пока она не истлела. «Сорок шесть тысяч тонн, если уж быть точным, — любил добавлять он. — Дай Коженёвскому волю, никакого «Титаника» вообще бы не было, но, будь он капитаном этого судна, с его опытом навигации в водах южного полушария, он бы на айсберг не напоролся. Коженёвский считал катастрофу чем-то вроде Страшного суда для богатых, но забыл о каютах третьего и четвертого классов, битком набитых бедняками, мечтавшими о лучшей доле за океаном, как забыл и о бесстрашном капитане с командой, о моряках, погибших при исполнении долга». После этих замечаний Дэвид Джонс начинал, слегка фальшивя, насвистывать «Морскую симфонию» Воана Уильямса, услышанную однажды в Ньюпорте.

Дэвид Джонс отбыл на «Титанике» из Саутгемптона в полдень 10 апреля 1912 года. Время и дата обозначены верно, что же касается пребывания Дэвида на этом судне, потомкам остается положиться на его честное слово.

— Чертовски повезло мне, парень, — рассказывал он спустя тридцать лет после трагедии, — попасть на этот треклятый корабль, мне, помощнику кока, мне, который до той поры только и плавал что на каботажных лоханках вдоль восточного побережья с чертовой дюжиной пассажиров на борту. Но то, что этот поганый «Титаник» обречен, нам, простым матросам, было ясно еще до отплытия, мы ведь иногда заглядывали в наши карманные Библии. «Самому Господу Богу не потопить это судно!» — богохульствовал Брюс Исмэй, владелец «Уайт стар». Вот и накликая беду. Сам посудите, парень. Первый в мире лайнер высотой в одиннадцать этажей, длиной в одну шестую мили и такой, мать твою, непотопляемый, что даже о шлюпки не удосужились позаботиться!

Так вот, варил я, значит, капусту для пассажиров четвертого класса, ирландцы почти все они были, капусташки; глазел исподтишка на миллионщиков, Асторов всяких да Морганов. Ротшильдов, правда, не видал, врать не стану. Помню, была там одна крикливая американская сучка Молли Браун, тоже звала себя Непотопляемой, вся в перьях и бриллиантах, а нашего брата как селедок в бочку набили в провонявший

блевотиной и соляной трюм. Один мой приятель, из образованных, звали его Янто Причард, говаривал: «Наблюдайте, братки, международный капитализм в миниатюре».

И вот на пятые сутки среди ночи в открытый иллюминатор дохнуло ледяной стужей, как будто корабль в морду дали. Тут поняли мы, что плохо наше дело, а Янто из Ньюпорта мне и говорит: «Судным днем пахнет, браток». Оделись мы, выскочили на палубу и первое, что увидели, — наших капусташников. Гоняют себе в футбол зелеными ледышками, отколовшимися от айсберга. Все в кепках и без пальто, пальто они не носили. А потом случилось такое, во что до сих пор не верится, ей-богу. Мальш Янто не переставая орал «Господи Иисусе!». Все было как в сказке: огромная башня зеленого льда, переливаясь и сверкая в лунном свете, красивая неопишимо, как будто пропела «аллилуйя» Господу — Разрушителю жалких трудов человеческих и, проплыв мимо, на прощание срезала ниже ватерлинии кусок борта футов двести длиной. И так чисто это было сработано, что вначале даже все засмеялись. А те, что играли по-крупному в покер в салоне первого класса, усмехнулись только: подумаешь, мол, опоздаем в Нью-Йорк на пару часов, плыть-то оставалось всего часов тридцать шесть, согласно расчетному времени, как принято говорить на флоте.

Когда выяснилось, что мы идем ко дну, а шлюпок на всех не хватает, тут-то капитализм и оскалил свою акульную пасть. Ну, женщины и детей пропустили вперед, здесь никто не спорил, хотя, сейчас я думаю, зря. Не знаю, приснилось мне это или на самом деле все так и было, не могу забыть одного человека, потонувшего вместе с кораблем, несчастного бедняка из четвертого класса, с виду вроде индуса, а по выговору — валлийца. Он, наверное, прочел все умные книги на свете да еще обладал даром снимать головную и зубную боль одним прикосновением своих длинных немых пальцев. Так вот, он сохранил человеческое достоинство и пошел с кораблем на дно, а великосветские болваны спаслись, чтобы потом давать званные обеды и делиться впечатлениями о пережитом ужасе.

Порой в ночных кошмарах я вижу лодку, полную матерящихся шлюх, этакий плавучий бордель, а все клиенты остались на борту лайнера, стоят там и ждут, когда перед ними развернется водяная могила — даже могилышки не понадобились. Но на борту остались не только клиенты этих шлюх, но и профсоюзные лидеры, и великие музыканты, инженеры и священники с бородами, развешающимися на ветру под его издевательский свист, — там остались полезные обществу люди, и сквозь отходную ветра, под органический аккомпанемент шторма, взрывы котлов и крики ошпаренных можно было расслышать вопрос: где же чертова справедливость?!

Какая уж тут справедливость, когда денежные мешки и их развязные жены совали визитки офицерам команды, отвечавшим за шлюпки: ах, уж пожалуйте, дайте нам места для всей семьи, для всех ротшильдов с ротшильдами, вот вам чек на два фунта, нет, лучше на две гинеи — эй, посторонись, сволочь, не видишь, последняя шлюпка для благородной публки, — пожалуйста сюда, сударыня.

А эта шотландская скотина офицер Мердок стрелял в ирландцев, опухших от моей переваренной капусты: они сбились в кучу у правого борта, как раз там, где судовой оркестр исполнял гимн англиканской церкви и правящего класса «Ближе к Тебе, Господи», и в отместку, напутствуемые своим добрым пастырем преподобным Байлсом, так его, кажется, звали, затянули «Веру наших отцов».

Я попал в надувную шлюпку с тремя пожарными, брадобреим из четвертого класса, двадцатью семью женщинами с детьми и четырьмя китайцами, прятавшимися под сиденьями от Мердока, который, если бы увидел их, застрелил бы, скотина шотландская, только за то, что они китайцы. В довесок он еще подсадил к нам Исмэя, которого аж колотило, когда он стоял среди женщин из четвертого класса. Большая шишка, ему б на дне лежать вместе с капитаном. Отплыли мы на несколько ярдов. Корабль еще больше погрузился в воду. Потом отошли еще на полмили, и корабль начало затягивать в воронку. Мы видели, как все оставшиеся на борту цеплялись, словно мокрицы, за поручни, кабестаны и лебедки. Последние сто пятьдесят футов кормы какое-то время торчали из воды, точно страшный памятник под звездным небом, — и все, конец. Даже китайцы рыдали. «Титаник» затонул в 2:20 утра, менее чем через три часа после столкновения — у одного китайца были часы, настоящий «Ингерсолл», гордость европейской механики. Около четырех утра нас подобрала «Карпатия», мы карабкались по веревочному трапу на борт, мечтая о кружке горячего чая с ромом, но не отказались бы и от рома без чая.

Эта шотландская скотина офицер Мердок стрелял в ирландцев, опухших от моей переваренной капусты

Когда Дэвид Джонс сошел на берег в Нью-Йорке, он, по его собственным словам, держался непринужденно с представителями прессы, донимавшими его вопросом, каково чувствовать себя в безопасности в то время, когда столько людей погибли в пучине. Вопрос поразил его до глубины души, он боролся с собой, как Иаков с Богом, и Бог в этой схватке спрашивал: чем ты воздашь за свое спасение, что ты подарил миру? Дэвид утверждал, что в журнале «Нью-Йорк конвирсал рекорд», который наверняка никогда не существовал, он видел карикатуру, высмеивающую современную веру во всеилые техники. Там был изображен идущий ко дну корабль под названием «Колосс» с королем Георгом V, королевой Марией, Бернардом Шоу, Киплингом, Арнольдом Беннеттом, Уэллсом, Коженёвским, Асквитом, Ллойд Джорджем, сэром Эдвардом Элгаром и сэром Хьюбертом Парри на борту. А рядом на крохотном плоту стоял заурядный человек и показывал им всем длинный нос. В мучивших его кошмарных снах Дэвид узнавал в этом человеке себя, заурядного кока из Уэльса.

Энтони Берджесс (Anthony Burgess), английский прозаик, критик, переводчик и композитор, автор знаменитых романов «Заводной апельсин» и «Трепет намерения», родился 25 февраля 1917 года в Манчестере в католической семье. Его мать, бывшая артисткой мюзик-холла, умерла, когда он был совсем маленьким. Он обучался в Иезуитском и Хаверманском колледжах, будучи там, освоил игру на фортепиано и написал соло-концерт и симфонию. Закончил Манчестерский университет, с 1940 по 1946 год служил в армии. После демобилизации пошел работать учителем, читал лекции в университете Бирмингема, а в 1948 году устроился на работу в министерство образования, откуда в 1954 году был отправлен на Дальний Восток и провёл шесть лет на острове Борнео. Именно в эти годы были написаны первые три романа Берджесса — «Тигриная пора» (1956), «Враг в одеяле» (1958) и «Постели на востоке» (1959), известные также под названием «Малайская трилогия». В 1960 году врачи настояли на возвращении в Европу, подозревая у Берджесса опухоль мозга. Вернувшись на родину, Берджесс за год написал пять книг, в числе которых были и знаменитый роман «Заводной апельсин», по которому в 1971 году был поставлен одноименный фильм Стэнли Кубрика с Малколмом МакДауэлом в главной роли. Писатель умер 25 ноября 1993 года.

Я не металлург, а всего-навсего удалившийся от дел террорист и учитель философии

сней. Вряд ли Амвросий Аврелиан прихватил с собой немного нефти из Рима или Равенны, но я допускаю, что в Британии меч хранили в оливковом или ореховом масле, ведь любое масло защищает от коррозии. И все-таки маловероятно, что меч, которым позднее размахивали «сыны Артура», — на самом деле Экскалибур. Скорее всего это ирландский claidheamh того позднего средневековья и не столь благородного происхождения. А впрочем, к черту все это. Лично я терроризмом сыт по горло.

История жизни человека, который с большим риском для себя вывез Экскалибур из Советской России, столь же неправдоподобна, как и его рассказы о мече. Звали этого человека Реджинальд Морроу Джонс — имя для валлийца невероятное, равно как и история его отца. Я знал Реджа Джонса очень близко, видел и его отца, и русскую мать. О них стоит рассказать подробнее.

Дэвид, точнее Дафид Джонс, был крещен по методистскому обряду в часовне города Тредигар в тогдашнем графстве Монмутшир. Отец его Элис Уин Джонс был не слишком религиозен, и все же в его социалистических взглядах, которых он нахватался во время перекуров, чувствовалось сильное влияние кальви-